

РЕЦЕНЗИИ

Улитчев И. И.

УЧЕНИЕ О ЛИЧНОСТИ В БОГОСЛОВСКОМ ПЕРСОНАЛИЗМЕ В. Н. ЛОССКОГО: ИСТОКИ И СПЕЦИФИКА

М.: ПСТГУ, 2021. 128 с. ISBN 978-5-7429-1356-6

УДК 27-1+271.2

DOI: 10.31802/PWG.2021.5.1.010

Монография Ивана Ивановича Улитчева, заведующего кафедрой систематического богословия Донской духовной семинарии, доцента кафедры новых технологий в гуманитарном образовании ИДО ПСТГУ, посвящена довольно сложному и дискуссионному вопросу о генезисе и значимости персоналогии Владимира Лосского. Ещё недавно персонализм можно было назвать ведущим направлением в православном богословии. Например, с точки зрения С. А. Чурсанова, «в терминологической системе богословской антропологии центральное место принадлежит понятию *лица*, или *личности* (*πρόσωπον*)»¹, и отход от православного понимания человека как образа Божия выражается именно в подмене личностного видения пантеистическим или индивидуалистическим². Однако в последнее время персонализм всё чаще подвергается критике, эти критические отзывы в свою очередь вызывают ответы сторонников персонализма — и таким образом разворачивается актуальная богословская дискуссия, чрезвычайно важная, поскольку непосредственно затрагивает главное содержание христианского учения. И. И. Улитчев делает попытку разобраться в этом запутанном вопросе на материале сочинений В. Н. Лосского, пожалуй, наиболее влиятельного из русских православных богословов-персоналистов.

Книга состоит из введения, трёх глав и заключения, резюмирующего основные выводы. Во введении автор определяет предмет своего

1 Чурсанов С. А. Богословские основания социальных наук. М., 2015. С. 15.

2 Там же. С. 74.

исследования, перечисляя три основных признака богословского персонализма. Затем формулируется проблема: существует как минимум три направления критики богословского персонализма, наиболее серьёзным из которых оказывается упрёк в использовании понятийного аппарата новоевропейской философии вместо принятой Церковью святоотеческой терминологии. Отсюда следует цель книги: по мере возможности выяснить, «...насколько терминологический аппарат эпохи модерна... пригоден для изложения православного богословского учения...» (с. 10).

Такая формулировка цели закономерно задаёт исторический ракурс исследования, поэтому перед тем, как в третьей главе перейти непосредственно к Владимиру Лосскому, две предыдущие автор посвящает истории понятия личности в русской богословской и философской мысли. В первой главе (с. 12–35) кратко описываются основные этапы формирования понятия «личность» в русской богословской мысли XIX — начала XX в.: появившись как перевод французского *personnalité* и немецкого *Persönlichkeit*, «личность» была воспринята в первую очередь славянофилами, во многом под влиянием немецкой философии. Это слово быстро приобрело положительные коннотации, начав употребляться в связи с противопоставлением православной соборности протестантскому индивидуализму, которое появилось у славянофилов и было развито в богословии митр. Антония (Храповицкого). Можно констатировать, что к началу XX в. сложились предпосылки для расцвета богословского персонализма.

Вторая глава (с. 36–54) описывает дальнейшую эволюцию «личности» во взглядах Н. А. Бердяева, прот. Сергия Булгакова и Л. П. Карсавина. Бердяев эксплицитно и предельно обострил намеченную предшествующим развитием мысли антитезу личности и природы. С первой связывается свобода и уникальность, со второй же — необходимость и универсальность. Одновременно Бердяев продолжает линию противопоставления личности и индивида. Несмотря на резкое неприятие Лосским некоторых аспектов философии Бердяева, взгляды последнего, «без сомнения, оказали влияние на учение о личности В. Н. Лосского» (с. 40). То же самое можно сказать и о прот. Сергии Булгакове: хотя Лосский и выступил против его софиологии в ходе знаменитого спора о Софии (с. 45–50), однако даже «в поисках “богословских ответов” построениям прот. Сергия Булгакова мысль В. Н. Лосского движется, по сути, в русле его “вопрошаний”, остаётся в той же понятийной парадигме» (с. 50). Также И. И. Улитчев вместе с Н. К. Гаврюшиным

и К. Шахбазяном склоняется к мнению «о “решающем” влиянии Карсавина на В. Н. Лосского» (с. 54) несмотря на скептическое отношение к этому Р. Уильямса. Таким образом, персонализм В. Н. Лосского оказывается органичной и неотъемлемой частью религиозно-философского мейнстрима русской эмиграции.

В третьей главе (с. 55–120) автор переходит непосредственно к основному предмету исследования — к учению В. Н. Лосского о личности. Глава состоит из терминологического введения, в котором констатируется достаточная адекватность русского перевода французских текстов Лосского, четырёх параграфов, в которых анализируются различные аспекты персонологии В. Н. Лосского и обзора современной критики его взглядов. Основной чертой рассматриваемого учения оказывается противопоставление личности и природы, прежде всего, в отношении свободы. И здесь Лосский, который, «...в отличие от большинства других представителей русской религиозно-философской мысли... стремился сохранить верность святоотеческому учению и обосновывать свои построения ссылками на отцов Церкви» (с. 60), всё-таки расходится с христианской традицией: «...Для древних христианских мыслителей невозможно было противопоставление ипостаси (“личности”) природе по принципу “свободы” хотя бы потому, что свободная воля человека, сопутствующая разумности, рассматривалась ими как атрибут *природы* человека» (с. 62). Анализ представлений Лосского о «воле личности» показывает аналогичное расхождение со святоотеческим учением, которое сам богослов, однако, понимал и пытался с переменным успехом устранить (с. 67). Впрочем, автор соглашается с мнением Ж.-К. Ларше, что в отличие от «крайних персоналистов» Х. Яннараса и митр. Иоанна (Зизиуласа) «...Лосский применял элементы персоналистического подхода... достаточно осторожно...» (с. 71), в частности, никогда не противопоставлял личность природе в триадологии.

Однако в то же время специфика богословского метода В. Н. Лосского как раз и заключается в попытке конструировать антропологию по образу и подобию триадологии (с. 78)! По этому поводу И. И. Улитчев замечает, что «применение подобной методологии в богословских построениях может в некоторых случаях привести к результату, обратному изначальной посылке, т. е. к чрезмерной “антропоморфизации” внутритроичного бытия» (с. 87). Как видится рецензенту, здесь следует говорить не о возможности, а о логической необходимости.

Аналогический метод Лосского, применённый к тезису о противопоставлении личности и природы в человеке, вынуждает принять одну из двух альтернатив:

- 1) В Боге личность не противопоставлена природе. Тогда по аналогии и в человеке существует некоторая истинная природа не противопоставленная личности. Следовательно, на самом деле противопоставление имеет место не между личностью и природой, а между двумя природами: истинной и искажённой грехопадением.
- 2) В любом случае, как бы ни понимать природу человека, она противопоставлена личности, и это является существенным свойством человека. Ведь если это свойство несущественно, оно должно быть связано с грехопадением, и мы оказываемся в рамках предыдущей альтернативы. Если же оно существенно, то аналогичное свойство должно иметься и в Боге, иначе получается, что аналогия образа Божия нарушается в одном из существенных отношений, а значит, не может служить руководящим методом. Таким образом, взгляды «крайних персоналистов» прямо следуют из построений самого Лосского, если их додумать до конца. Только так можно сохранить оба принципа: аналогию образа Божия как руководящий метод и противопоставление личности и природы как существенное свойство человека. В противном случае одним из них придётся пожертвовать.

И. И. Улитчев обращает внимание, что учение о разделении природы в индивидах и её объединении в личностях, из которого вытекает представление о человеческой личности как «ипостаси совокупности тварного космоса» (с. 80), терминологически гораздо ближе к построениям Л. П. Карсавина и прот. Сергия Булгакова, чем к учению отцов Церкви (с. 82). Также и метод аналогии «сверху вниз», от божественного к тварному, несмотря на отсылки к святоотеческому наследию, в большей степени опирается на адаптацию русскими религиозными мыслителями XIX в. методологии немецкой классической философии, в сочетании с восприятием... августинианских идей...» (с. 85). К сожалению, автор очень мало касается наиболее существенного вопроса о том, насколько эти терминологические различия влекут за собой различия смысловые. Ведь он сам отмечает «потребность нового осмысления святоотеческой богословской терминологии, учитывающего ситуацию

“антропологического поворота” Нового времени» (с. 99), а значит, терминологические расхождения сами по себе ни о чём не говорят. Они попросту неизбежны в подобного рода богословствовании. Завершая рассмотрение персонологии Лосского, И. И. Улитчев достаточно наглядно показывает генезис представления Лосского о личности как несводимости к природе, которое оказывается попыткой найти баланс между «неисторианством» классического определения («индивид разумной природы», с. 91) и «аполлинаризмом» прот. Сергия Булгакова, который видел ипостасное начало в уме (с. 92). Недостаток такого представления автор видит в его чрезмерной апофатичности (с. 94)³.

Последний параграф главы посвящён современной критике учения В. Н. Лосского о личности. Автор достаточно подробно излагает позицию Ю. А. Шичалина, с которым полемизирует о влиянии М. Бубера на Лосского, однако соглашается с общим выводом, что «понятие личности в том виде, в котором его использовал В. Н. Лосский, является в определённом смысле “чужеродным” для системы православного богословия эпохи Вселенских Соборов» (с. 100). Здесь можно задать вопрос: правомерно ли вообще оценивать «чужеродность» богословия Лосского в отношении эпохи Вселенских Соборов? Ведь оно создавалось совсем в другое время и для других целей. Безусловно, отвёрткой очень неудобно забивать гвозди, с этим никак нельзя спорить. Но отсюда совершенно не следует, что в принципе отвёртка инструмент бесполезный. Дальнейшее обсуждение мыслей Е. И. Гришаевой, К. М. Антонова, М. Ю. Бурмистрова и П. Ю. Малкова по поводу персонологии Лосского лишь усиливает этот вопрос: так или иначе исследователи говорят о его сознательной попытке выразить исконное богословское содержание в *новой* терминологии. Что же удивительного в том, что она отличается от святоотеческой?

В целом книгу И. И. Улитчева можно назвать удачной. Это, хотя и краткое, но серьёзное и обстоятельное исследование, хорошо структурированное и с солидной библиографией, которое будет полезно читателю, интересующемуся богословским персонализмом. Но, безусловно, оно далеко не закрывает всех вопросов, связанных с персонологией В. Н. Лосского. Прежде всего, на взгляд рецензента, следует чётко определиться с той системой координат, в которой производится оценка учения о личности. При прочтении книги постоянно создаётся ощущение, что автор колеблется между тезисом: «Недостаток

3 См. также: Парпара А. А. Конкретность, уникальность и неповторимость личности как логическая проблема // БВ. 2019. Т. 32. № 1. С. 80–101.

богословия Лосского в том, что он отошёл от святоотеческой терминологии» и противоположным ему: «Достоинство богословия Лосского в том, что он выразил догматы веры в современных понятиях». Конечно, эта амбивалентность присутствует и у самого Лосского, мысль которого всё время осциллирует между античной понятийной системой (природа — общая сущность представителей одного вида) и ново-европейской (природа — царство необходимости, противостоящее свободному духу). Но это не отменяет задачи найти твёрдую точку опоры в этой колеблющейся среде, потому что иначе невозможно дать никакой определённой оценки. Представляется, что наиболее адекватным вариантом будет оценка построений Лосского как попытки переформулировать традиционное богословие в новых понятиях. Здесь можно поставить два вопроса:

- 1) Насколько Лосскому удалось уловить язык эпохи? Встречает ли его новая терминологическая система резонанс в сознании современного читателя?
- 2) Насколько адекватно эта новая система передаёт традиционное содержание? С одной стороны, можно ли с её помощью выразить все основные догматы? А с другой стороны, не подталкивает ли она к неприемлемым выводам?

На первый вопрос можно однозначно ответить положительно. Это, кстати, тоже требует объяснения: как местами весьма туманным и неудобопонятным рассуждениям Лосского удалось завоевать такую популярность? Однако второй требует довольно обстоятельного и объёмного труда. Будем надеяться, что И. И. Улитчев продолжит свои плодотворные исследования богословского персонализма.

Анатолий Анатольевич Парпара